

КАРТИНА МИРА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ И ПРИЕМЫ ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

В. А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет

WORLDVIEW AS AN INTERDISCIPLINARY NOTION AND PROCEDURES OF ITS MODELLING

V. A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University

Поступила в редакцию 26 сентября 2018 г.

Аннотация: в современной науке для обозначения ментального содержания, отражающего содержание и структуру действительности, созданы различные научные понятия: картина мира, концептуальная система, модель мира, концептуальная картина мира, образ мира, которые используются как строго в рамках разных научных парадигм, так и недостаточно обоснованно – как синонимические понятия. Автор статьи ставит своей целью определить общее и различное в содержании перечисленных понятий, установить возможности их методологического приспособления для анализа объектов в разных научных направлениях и приходит к выводу, что при всех различиях их дефиниций указанные понятия объединены философской ориентацией на представление моделей действительности как ментальных «образов мира». Основным методом исследования является сравнение. Автор представляет краткий обзор формирования и развития понятия «картина мира» в трудах В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, Й. Л. Вайсгербер и др. В середине 1930-х гг. важнейшим способом моделирования картины мира Й. Л. Вайсгербер признает полевое исследование лексики, опираясь на принцип взаимного ограничения элементов поля, сформулированный Й. Триром. Структура смыслового поля при этом детерминруется семантической структурой конкретного языка, специфически фиксирующей действительность. Автор статьи демонстрирует развитие представлений о полевом моделировании картины мира в ассоциативном эксперименте, указывает на верифицирующие друг друга методы исследования динамики значения слова, позволяющие обнаруживать и даже прогнозировать постепенные, градуальные изменения в структуре картины мира, анализирует понятие концептуальной системы, представленное в работах логика Р. И. Павлениса, обладающее большой объяснительной силой и позволяющее моделировать картину мира на иных научных основаниях.

Ключевые слова: картина мира, концептуальная система, модель мира, концептуальная картина мира, образ мира, моделирование, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле.

Abstract: the subject of this article is the content of “worldview” notion and procedures of its modelling in contemporary linguistics. The author aims at establishing commonalities and differences in the content of notions “model of the world”, “conceptual system”, etc. that belong to different research paradigms and at grounding an opportunity for their methodological accommodation for analysis of linguistics objects in different academic schools. The author arrives to the conclusion that despite all the differences among numerous definitions of listed notions, a philosophic orientation towards representing models of reality as mental “images of the world” unites them. Comparison is the main research method. The author offers a short review of formation and development of the notion “worldview” in scientific work of Wilhelm von Humboldt, Ludwig Wittgenstein, Johan Leo Weisgerber, etc. In the middle of 1930s, Johann Leo Weisgerber acknowledges that field research is the most important method of modelling of the worldview, leaning on the principle of a field’s elements’ mutual limitation stated by Jost Trier. The structure of a certain language that registers reality in a specific way defines the structure of a meaning field. The author demonstrates development of understanding of field modelling image of the world in the framework of associative experiment, shows instruments verifying data of associative fields – method of

sematic integral, scaling, etc. The above-mentioned methods allow to research of a word's meaning's dynamics, discover and even forecast gradual changes in the structure of the image of the world. The author analyzes the notion of conceptual system introduced in the scientific work of the logician Rolandas Pavilionis that has a great explanatory power and allows for modeling of the worldview on different scientific grounds. The author discusses the findings that can be used in modelling of the structure and content of the consciousness.

Key words: *worldview, conceptual system, model of the world, conceptual image of the world, picture of the world, modelling, associative experiment, associative field.*

Грамматическая идиоматика преграждает путь языка к реальности.
Наш язык – это тюрьма, из которой мы не можем выйти.

Э. Косеру

Попытки моделирования содержания сознания привели к возникновению интерпретативных понятий «картина мира», «концептуальная система», «модель мира», «концептуальная картина мира», «образ мира». Эти понятия принадлежат разным научным, в том числе нелингвистическим, парадигмам, и использование их в лингвистике требует методологической обработки – приспособления к языковедческому объекту.

Но при сравнении их содержания выясняется, что перечисленные понятия объединяет только философская ориентация на представление моделей действительности, «образов мира». И когда лингвисты, обсуждая какую-то проблему, используют словосочетание *картина мира*, далеко не факт, что они говорят об одном и том же. За редким исключением, в дефинициях названных понятий выделяются в качестве обязательных еще два компонента: деятельностная природа картины мира (которая возникает только в результате активной познающей деятельности человека), мировидение, понимаемое уже по-разному: как (а) совокупность представлений и знаний о мире, (б) отражающая способность мышления и др., представленное уже лингвофилософскими концепциями В. фон Гумбольдта, Й. Л. Вайсгерберга, Л. Витгенштейна, Б. Уорфа и др. Как чаще всего заявляют исследователи, от этих концепций и производятся современные трактовки понятия «картина мира». Чтобы понять, действительно ли существует такая преемственность, обратимся к краткой характеристике исходных концепций.

Так, В. фон Гумбольдт рассматривает языковую деятельность как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, выделяя в этой деятельности, в соответствии с наличием в языке статичного и процессуального начал (*ergon* и *energeia*), «промежуточный мир понятий» и «картину мира». Первое – это статичный продукт языковой деятельности, возникающий в результате восприятия людьми действительности, в том числе языка: «... язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу... В результате того, что в нем смешиваются, очищаются, преобра-

жаются способы представления всех возрастов, каждого пола, сословия, характера и духовного различия данного племени... язык становится великим средством преобразования субъективного в объективное» [1, с. 318]. Единицей «промежуточного мира понятий» является «духовный объект» – понятие, которое представляет интерсубъектное знание, – общее для носителей языка. По сути, промежуточный мир – это совокупность понятий, сформированная в результате взаимодействия общества с действительностью в процессе использования языка. Картина же мира образуется «из языковых вмешательств» индивида в действительность. Как это вмешательство осуществляется? Рассмотрим фрагмент стихотворения Б. Пастернака:

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

У индивида нет другого способа представления актуального для него смысла, кроме как опоры на уже имеющиеся единицы. Поэтому, например, содержание словосочетания *писать навзрыд* воспринимается только на фоне уже имеющегося *плакать навзрыд* – ‘плакать громко, судорожно, рыдать’. В силу ассоциативности нашего мышления в процессе «вмешательства индивида в язык», т. е. в речевом акте, акцентируется личностно значимое сходство между поэтическим творчеством и рыданием на основе интегративного содержательного компонента ‘интенсивно, лихорадочно, нервно’. Эта актуальная ассоциативная связь и фиксируется в метафоре: «... языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. <...> Человек может приблизиться к этой чисто объективной сфере не иначе как присущим ему способом познания и восприятия, следовательно, только субъективным путем» [1, с. 319]. Поскольку слова «выражают различный способ» представления предмета, «они могут расходиться в значениях. Ибо воздействие индивидуального представления о предмете на образование слова определяет, пока такое представление живо, и то, как словом вызывается

предмет» [1, с. 320] (курсив наш. – В. П.). В ходе использования слова «к каждому значимому слову присоединяются все вновь и вновь вызываемые им чувства, произвольно возбуждаемые образы и представления» [Там же, с. 318]. «Умственная переработка» слов в конкретной речевой деятельности, «неповторимый индивидуальный отпечаток этой переработки» [Там же] и создает картину мира – индивидуальное представление человека о мире, репрезентированное в языке. Осуществляется такая переработка за счет интегративной функции мышления, когда компонент промежуточного мира понятий обязательно используется для представления субъективно актуального смысла. Таким образом, Гумбольдт разграничивает промежуточный мир понятий, сформированных на основе языка, общий для всего народа, и картину мира как модель мира, созданную в индивидуальной речевой деятельности. Следовательно, по Гумбольдту, промежуточный мир понятий является общим для носителей языка, а вот картина мира может существовать принципиально только как индивидуальное образование.

Й. Л. Вайсгербер использовал понятие «языковая картина мира» (*Weltbild der Sprache*) уже в своей программной монографии «Родной язык и формирование духа» [2], опубликованной в 1929 г., подчеркивая интегрирующий характер языка в формировании у индивида картины мира, соотносимой с другими индивидуальными картинами именно в силу единства языка для его носителей. Язык «...позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Там же, с. 51].

Вслед за Гумбольдтом и детализируя его позицию, Вайсгербер полагает, что между человеком и действительностью находится «посредствующий мир мышления» и язык, в котором заключено определенное представление о мире. «Родной язык создает основу для общения», представляя сходное в образах мышления носителей языка: слово номинирует реалии на основе системы признаков, выделенных мышлением и соотносенных с уже имеющимися понятиями, т. е. с моделями познания, зафиксированными в значениях слов (ср. признаки, лежащие в основе номинаций: *Schneeglöckchen, snowdrop, perse-naige, иглица, подснежник*). Поэтому язык для индивидов становится основой производства сходных образов мышления, сходных способов представления результатов познания: в полном соответствии с концепцией Гумбольдта, философ подчеркивает, что человек «формирует понятия, которые ему предписывает родной язык» [2, с. 147], и на их основе создает свою картину мира; «человек просто принимает то, что предлагает ему родной язык из своего понятийного

запаса и синтаксических форм» [2, с. 148]; «мы анализируем наш опыт главным образом мерками языковых явлений» [Там же]; «родной язык оказывает решающее воздействие даже на детали понимания и мышления конкретного человека» [Там же, с. 151]. Такая позиция обусловлена убеждением ученого в том, что «сердцевину языкознания следует искать в исследовании языкового познания и его воздействий, то есть проблем, связанных с внутренней формой языка» [Там же, с. 184], решение которых он находит у Гумбольдта, попытавшегося сформулировать содержание этого понятия «в полной строгости и рациональности». Языковая (внутренняя) форма – не часть языковой структуры, не элемент языка, а язык в своей действительной сущности (*in ihrem wirklichen Wesen*), способ обозначения предметов (реалий) в звуковой форме. Характер языка выявляется именно в способе связи мысли со звуком (*in Art der Verbindung*). Каждый язык, утверждает Гумбольдт, – это своеобразная форма порождения и сообщения идей, принцип представления мысли в языке. Специфика каждого языка проявляется в том, что звуковая материя в результате «интенций сознания» становится языковой – структурируется в соответствии с доминирующими способами формирования понятий. Внешняя форма языка лишь закрепляет способы «работы духа» по формированию языка, а в речевой деятельности индивидов бесконечно комбинируются компоненты сложившейся внутренней формы: «смысл может существовать в каких угодно онтологических формах, но мыслится он необходимо в формах слова-понятия» [3, с. 18].

Следовательно, способы отражения действительности (модели познания) национально специфичны (идиотничны) и закрепляются в статичной стороне языка: «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются “выученными”, т. е. общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» [2, с. 117]. Любой конкретный язык фиксирует определенный способ восприятия и понимания мира («язык скрывает в своей внутренней форме определенное миропонимание (*Weltauffassung*)» [Там же, с. 118]), причем все носители данного языка разделяют, не отдавая в том себе отчета, эту своеобразную систему взглядов на действительность, так как это особое мировидение заключено в семантике лексических единиц, в оформлении морфологических и синтаксических структур, в наличии тех или иных грамматических категорий и значений, в особенностях словообразовательных моделей языка и т. п. Своеобразие той или иной личности, по Вайсгерберу, и определено, и ограничено национальной спецификой языковой картины мира: мы имеем дело с «вторжением родного языка»

в наши воззрения. При этом, считает Вайсгербер, язык влияет не только на то, как мы понимаем предметы, но и определяет, какие предметы мы подвергаем определенной понятийной переработке. Это положение значительно радикальнее воззрений Гумбольдта, хотя по сути противопоставление мира мышления, общего для социума, и картины мира как индивидуального построения модели мира в речевой деятельности сохраняется.

Идеи Гумбольдта реализуются и в широко известной философской концепции Л. Витгенштейна, который развивал положения, актуальные, например, для психологической культурно-исторической концепции, параллельно с Л. С. Выготским. По мнению философа, мышление имеет речевой характер и по существу является деятельностью со знаками. При этом значение знака – это его применение, употребление в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности. Поэтому одним из важнейших вопросов для Витгенштейна является соотношение грамматического строя, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации: совершенно самостоятельно он пришел к открытию новой научной предметной области, которую в современной науке исследуют психолингвисты. Витгенштейн использует понятие «картина», понимая под ней модель реальности, отображенную в языке; элементы картины, находящиеся в определенных отношениях друг с другом, замещают объекты; «картина выступает измерительным инструментом реальности», но не может «выйти за пределы своей формы представления», ограниченные языком; «границы моего языка означают границы моего мира» [4]. Поэтому для Витгенштейна невозможно противопоставление «языковой» и «неязыковой» картины мира – она может быть только языковой и формируется в процессе пользования языком.

Как видим, в классических философских штудиях картина мира как модель действительности в сознании индивида – процесс и продукт языковой и только языковой деятельности.

И хотя современные исследователи постоянно обращаются к классическому наследию, понимание картины мира в лингвистике имеет с ним мало общего, а разграничение картины мира и языковой картины мира вызывает много вопросов. Обычно под языковой картиной мира понимают совокупность знаний о мире, которые воплощены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний, а под картиной мира – систему представлений, знаний человека об окружающем мире, ментальное отражение культурного опыта общества. Но в том-то и дело, что у классиков картина мира – это индивидуальное представление о действительности и способах ее познания, в силу необходимости репрезентированное

в языке. В противном случае эволюцию и мышления, и языка представить просто невозможно. Частотно используемое сейчас противопоставление картины мира и языковой картины мира не логично уже потому, что, с одной стороны, понятие вне слова не формируется, «мысль совершается в слове» (Л. С. Выготский), с другой – рядом исследований доказано, что в формировании значения принимает участие не только всё содержание сознания индивида, но и его тело. Последнее четко представлено в ряде положений А. А. Залевской: «Язык ничего не значит сам по себе, он паразитирует на невербальных знаках, которые представляют собой тактильные, обонятельные, вкусовые, слуховые, зрительные и другие «перцептивные прочтения» мира и их фантазийные варианты, функционирующие при сенсорно-аффективно-ментальном взаимодействии на разных уровнях осознаваемости, т. е. означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными; «Семиозис как нейробиологическая способность человека возможен только на основе взаимодействия тела, мозга и культуры» [5, с. 57]. Кроме того, основным материалом при моделировании мира неизбежно является язык, а способы отделения языкового и неязыкового в модели едва ли могут быть четко определены. В позициях Гумбольдта и Витгенштейна разделение промежуточного мира на совокупность понятий, не возникающих без участия языка, и постижение мира индивидом через «языковые вмешательства» определено логикой выделения в языке его процессуальной и результативной сторон – продукта и процесса языка как деятельности. В подавляющем большинстве современных работ это если и декларируется, то в модели не учитывается, и потому, как правило, единицей построения картины мира признается слово как инвариант, а не смысл, который привносит человек в содержание слова в процессе речевой деятельности. Это связано, с одной стороны, с глубокой внедренностью концепции Ф. де Соссюра в сознание лингвистов, с другой – возможно, и с влиянием Вайсгербера, который в середине 1930-х гг. важнейшим методом изучения *посредствующего мира родного языка* (но не картины мира!) в полном соответствии с логикой своей концепции признает полевое исследование лексики. Словесное поле (Wortfeld) – это группа слов, использующихся для описания определенной сферы жизни или определенной понятийной сферы. Структура поля изоморфна семантической структуре конкретного языка, потому что порождается эти языком. Поле, по мнению Вайсгербера, существует как единое целое, потому и значения отдельных слов, входящих в него, определяются структурой поля и местом каждого его компонента в этой структуре. Структура же самого поля определяется семантической структурой

конкретного языка, специфически фиксирующего действительность. «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [2, с. 250]. Поле глаголов со значением ‘умирать’ довольно часто приводится в ряде работ самого ученого. Это поле, как его представляет Вайсгербер, состоит из четырех слоев: в ядро поля входит интегративное содержание всех этих глаголов – прекращение жизни (*Aufhören des Lebens*); далее располагаются три глагола, выражающие это содержание применительно к людям (*sterben*), животным (*verenden*) и растениям (*eingehen*); третий слой расширяет и уточняет способ прекращения жизни (для растений – *fallen, erfrieren*, для животных – *verhungern, unkommen*, для людей – *zugrunde gehen, erliegen* и др.); наконец, четвертый слой содержит стилистические варианты основного содержания поля: *ableben, einschlummern, entschlafen, hinübergehen, heimgehen* (для высокого стиля) и *verrecken, abkratzen, verröcheln, erlöschen, verscheiden* (для низкого или нейтрального словоупотребления).

Посредствующий мир родного языка представлен прежде всего в словаре, и «предметную основу» для него создает природа (почва, климат, географические условия, растительный и животный мир и т. п.), а также те или иные исторические события: ср. *пуганая ворона куста боится; ужаленный змеей пугается пальмового листа* (суахили); *белый как снег / как хлопок* (узбекский) / *молоко* (казахский) / *кокосовое молоко* (папуа). Часто специфическое видение природных явлений, какое индивид получает с языковой семантикой, отмечает философ, не совпадает с научными классификациями или даже им противоречит. Так, с одной стороны, понятия фруктов и овощей – скорее кулинарные или пищевые (функциональные), а не научные, они никак не соотносятся со структурной морфологической классификацией растительного мира: объем научного понятия «ягода» не совпадает с бытовым представлением о данном объекте (например, вишня, клубника, малина, ежевика не ягоды с научной точки зрения, а костянки). С другой стороны, есть реалии, которые действительно являются ягодами, но обыденное сознание относит их, скорее, к овощам (арбуз, помидор, огурец). Мало этого, язык может одинаково называть явления, разные с точки зрения носителей другого языка: так, в частности, немецкий язык «не видит» различий меж-

ду земляникой и клубникой, вишней и черешней, тучей и облаком. Всё это – проявление специфики устойчивой внутренней формы языка.

Но если мы хотим исследовать язык как деятельность, семантическое поле не может стать интерпретативной категорией, так как предназначено для изучения стабильных отношений между инвариантами. Тогда можно использовать как эффективный прием анализа исследование ассоциативного поля, получаемого в свободном ассоциативном эксперименте, который в соотношении *стимул – реакция* как едином речевом действии выявляет активное мотивированное отношение человека к миру. Это самый непосредственный способ обнаружения «вмешательств языка» в действительность через используемые индивидом языковые средства. Следовательно, изучая специфику ассоциативно-вербальной сети индивида через состав ассоциативного поля, ученый получает возможность моделирования именно картины мира (которая никакой, кроме как языковой, быть не может, потому что именно язык формирует, фиксирует и транслирует новые смыслы). Ассоциативное поле опосредованно отражает психологическую структуру содержания слова, актуальную для носителей языка, и может указывать на намечающиеся тенденции в изменении значения слова. Так, в культурном содержании имени *Сусанин* Н. С. Панарина выделяет следующие основные семантические компоненты: ‘патриот, отдавший жизнь за царя и отечество’, ‘герой освободительной войны русского народа против польских интервентов в начале XVII в.’, ‘крестьянин’, ‘проводник поляков, намеренно с целью уничтожения заведший их в непроходимый лес’, ‘замучен поляками’ [6]. Это как раз область «промежуточного мира понятий», сформированных с помощью языка и стабилизированных его формами. Однако ассоциативный эксперимент и данные Национального корпуса русского языка показывают, что психологически актуальными для носителей современного языка и, следовательно, определяющими характер «языковых вмешательств в действительность», являются другие признаки: ‘плохой проводник’, ‘проводник’, развитие которых сопровождается утратой положительного ценностного компонента прецедентного образа, что по сути определяет мотив «языкового вмешательства» индивида в действительность, т. е. мотив его деятельности. Аналогичный процесс наблюдается в употреблении имени *Наполеон*, в культурном содержании которого выделяются следующие компоненты: ‘французский император’, ‘великий полководец’, ‘крайне честолюбивый, властолюбивый’, ‘реакционный диктатор’, ‘считающий себя исключительным, индивидуалист’, однако для носителя языка сейчас *Наполеон* в 26 процентах случаев словоупотребления – торг. В указанной и ряде

других работ [7; 8] экспериментально доказано, что смысловой сдвиг в психологической структуре значения начинается с градуального по сути изменения эмоционально-оценочного компонента содержания слова. Лексикографические источники не могут оперативно зафиксировать эту динамику, да перед ними и не ставится такая задача. В психолингвистических работах показано также, что для более точной констатации изменения эмоционального содержания стимула и установления семантического расстояния между ассоциатами можно верифицировать данные свободного ассоциативного эксперимента разными видами шкалирования с помощью методики семантического дифференциала [6; 7].

Хорошие результаты при моделировании картины мира дает и применение семантического гештальта Ю. Н. Караулова [9]. С одной стороны, гештальт – цельный образ, указывающий на некоторую ментальную область, с другой – его цельность держится на некоторых обобщенных признаках. Уровень обобщения при этом может быть самым разным. Гештальт отражает внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности.

Гештальт – структурированный образ, воспринимаемый как нечто цельное, единое, следовательно, его структура уже держится на некоторых обобщенных признаках, определяющих смысловые зоны поля. Они, как правило, номинируются по самому частотному слову, представляющему их; гештальт выстраивается как иерархическая структура. Так, в гештальте «покой и красота» на основе анализа массива данных ассоциативного эксперимента выделены зоны «душевный покой/умиротворение»; «природа»; «дом»; «человек» [10]. По сути, это специфический тип ассоциативного поля, реакции в котором сгруппированы по смысловым признакам.

Наиболее аргументированным и соответствующим задачам моделирования деятельностной картины мира представляется понятие концептуальной системы (далее КС. – В. П.) Р. И. Павилёниса, под которой понимается «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [11, с. 101]. Главные свойства КС: непрерывность, последовательность введения информации (концептов – смыслов как единиц этой информации), динамичность. При этом процесс понимания – это образование смыслов на базе содержания КС воспринимающего индивида: языковое выражение осмысленно, если оно позволяет построить систему смыслов в КС реципиента. Сами по себе языковые выражения не имеют содержания – оно определяется только соотношением КС продуцента и реципиента. Как, напри-

мер, понимает носитель современного русского языка слово *педант* в пушкинских строках:

Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм?..

Педант сейчас – чрезмерно аккуратный человек, который требует исключительного порядка от себя и окружающих. Однако очевидно, что в представленном контексте реализуется иной, актуальный для А. С. Пушкина смысл – ‘дилетант’: языковой знак, нарушающий привычное употребление, возбуждает в мышлении реципиента встречный процесс смыслопорождения, в котором и выявляется авторский смысл как отклонение от «промежуточного мира понятий». Таким образом, КС – это континуальная динамичная система смыслов, осуществляющаяся в деятельности индивида. Представляется, что такая позиция позволяет совместить содержание языка и сознания в единой модели: «Язык изначально связан непосредственно с мышлением, и в гносеологическом плане действительно отношение не “язык – мышление – мир”, а “языкомышление – мир”» [11, с. 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – Изд. 3. – М.: КомКнига, 2006. – 216 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: АСТ, 2018. – 160 с.
5. Залевская А. А. Телесность/корпоральность и значение слова / А. А. Залевская // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. – М.; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 57–65.
6. Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Панарина. – М., 2017. – 238 с.
7. Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Хлопова. – М., 2018. – 25 с.
8. Шевченко С. Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Шевченко. – М., 2017. – 282 с.

9. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. : ИЯ РАН, 2000. – С. 191–206.

10. Марковина И. Ю. Специфика языкового сознания русских и американцев : опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода / И. Ю. Марковина, Е. В. Данилова // Языковое сознание и образ мира / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. : ИЯ РАН, 2000. – 320 с.

11. Павиленис Р. И. Проблема смысла : логико-функциональный анализ языка / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

REFERENCES

1. Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow : Progress, 1984. 400 p.

2. Weisgerber J. L. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native language and formation of spirit]. Moscow : Editorial URSS, 2004. 232 p.

3. Shpet G. G. *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variacii na temu Gumbol'dta*. [Inner form of a word. Etudes and variations on a theme by Humboldt]. Moscow : Kom-Kniga, 2006. 3rd edition. 216 p.

4. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: AST. 2018. 160 p.

5. Zalevskaya A. A. Corporeality and the word meaning. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psiholingvisticheskiy i kognitivnyj aspekty*. Ed. by V. A. Pishchal'nikova. Moscow/Barnaul : AltGu Press, 2004. P. 57–65.

6. Panarina N. S. *Psycholinguistic modeling of the mechanism for implementation of precedence*. Dissertation. Moscow, 2017. 238 p.

7. Khlopova A. I. *Verbal diagnostics of the dynamics of core values*. Dissertation abstract. Moscow, 2018. 25 p.

8. Shevchenko S. N. *Structural specifics of the associative field of words denoting mineral resources as manifestation of semantic differences of words*. Dissertation. Moscow, 2017. 282 p.

9. Karaulov Y. N. Markers of national mentality in associative verbal chains. *Yazykovoe soznanie i obraz mira*. Ed. by N. V. Ufimtseva. 2000. P. 191–206.

10. Markovina I. Y., Danilova E. V. Specifics of language consciousness of Russians and Americans: an attempt at modeling of “an associative gestalt” of the original text and its translation. *Specifika yazykovogo soznaniya russkih i amerikancev : opyt postroeniya «associativnogo geshtal'ta» tekstov originala i perevoda. Yazykovoe soznanie i obraz mira*. Ed. by N.V. Ufimtseva. 2000.

11. Pavilenis R. I. *Problema smysla: Logiko-funkcional'nyj analiz yazyka* [The problem of meaning. Logical-functional analysis of language]. Moscow : Mysl', 1983. 286 p.

Московский государственный лингвистический университет

Пищальникова В. А., профессор кафедры общего и сравнительного языкознания

E-mail: pishchalnikova@mail.ru

Moscow State Linguistic University

Pishchalnikova V. A., Professor of the General and Comparative Linguistics Department

E-mail: pishchalnikova@mail.ru